

Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война// Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001.
[Mobilization of Intellect: Scientific Internationalism and the First World War// Intellectuals in History: Educated Man in Social Reality and Representations. Moscow: Institute of World History, 2001. p. 296–335]

Александр Дмитриев (СПбФ ИИЕТ, С.-Петербург)

**Мобилизация интеллекта:
Первая мировая война и международное научное
сообщество¹**

Развитие научного знания зачастую принято представлять как процесс, по определению находящийся по ту сторону государственных, конфессиональных и даже социокультурных границ и разделений. Между тем вся история науки, отсчитываем ли мы ее с Древнего Египта, Вавилона, Греции или принципиально ограничиваем пределами европейской цивилизации нового времени, обнаруживает неразрывную связь с историей общества. Система академий и научных обществ, университетов и высших школ (преимущественно государственная или широко опирающаяся на частный капитал, как в США) со своей спецификой относительно каждой страны является основой существования и воспроизводства самого института науки. Только в рамках этих институтов и могла выстраиваться, особенно после исчезновения наднационального феномена «республики ученых», совокупность международных научных связей XVIII–XX вв. Контакты ученых разных наций осуществляются уже с середины XIX в. в контексте

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ; проект 01-03-00354а.

Автор выражает искреннюю признательность А.В. Бекасовой, К.Г. Большаковой, И.Ф. Цветкову, Т.И. Юсуповой и другим коллегам по Санкт-Петербургскому филиалу ИИЕТ РАН за ценные советы и консультации в период подготовки данной работы.

взаимодействия национальных научных сообществ в формах совместных исследований, научных съездов, конференций.

«Интернационализм патриотов»

В 1899 г. была создана Международная ассоциация академий, куда изначально помимо Российской, Французской, вошел также картель четырех немецких академий и Лондонское королевское общество. Ассоциация взяла на себя подготовку международных конгрессов по различным областям знания (в частности, по истории), а также осуществление целого рода долгосрочных исследовательских и издательских проектов. В числе их был корпус латинских и греческих надписей, издание Собрания сочинений Лейбница, Энциклопедия ислама и т.д.² Если между 1870 и 1880 гг. работало 25 международных форумов, то за первое десятилетие XX уже около 300³. Однако это сотрудничество воспринималось тогдашними учеными как продолжение и восполнение основной, протекавшей уже главным образом в рамках национально определенных академических сообществ, при финансовых дотациях государств, и продолжало оставаться, по словам крупнейшего знатока международных научных связей тех лет Б.Шрёдер-Гудехус, «интернационализмом патриотов»⁴.

Развитие интернациональной науки осуществляется в этот период, таким образом, не само по себе, но предстает как результирующая связей различных национальных академических сообществ, неравномерно распределявших влияние и производительную деятельность в сфере науки. Уже к концу XIX в. Германия занимает ведущее место в научном мире, как по целому ряду достижений в ключевых областях знания, так и в

² См.: Басаргина Е.Ю. Петербургская Академия наук и Международная ассоциация академий// Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. II. С. 176–179.

³ Alter P. The Royal Society and the International Association of Academies, 1897–1919// Notes and Records of Royal Society, London. 1979. N 3–4. P. 334.

⁴ Schroeder-Gudehus B. Division of Labor and the Common Good: The International Association of Academies, 1899–1914// Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel. Ed. C.G.Bernhard, E.Crawford, P.Sörbom. Oxford: Pergamon Press, 1982. P. 14–16.

особенности по размаху и уровню организации научных исследований⁵. Гумбольдтовская идея соединения преподавания и исследования, идеал «свободной учебной деятельности», традиционно привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора⁶ – все это было предметом заинтересованного внимания и своего рода ориентиром для коллег германских ученых в их поисках места науки в обществе, не только для России и стран Восточной Европы, но даже Франции⁷. Создание в 1911 г. Общества Кайзера Вильгельма – системы специализированных научно-исследовательских учреждений, с решающей ролью государства при участии крупных промышленников, воспринималось многими современниками, в т.ч. В.И. Вернадским или К.А. Тимирязевым, как прообраз оптимальной модели организации науки (с разделением и кооперацией труда по образцу фабрики) в наступившем XX веке⁸. С другой стороны, социальная модернизация, растущие конфликты экономических и политических интересов воспринимались немецкой профессурой как угроза утраты идеалов классического гуманитарного образования, потери прежнего безоговорочного превосходства в интеллектуальной жизни страны. Соответственно,

⁵ Gizycky R. Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th Century// *Minerva*. Vol. XI. N 4. October 1973. P. 479–480.

⁶ Исторически сложившаяся на рубеже веков в Германии система взаимодействия власти, университетской верхушки и социальной и политической элиты получила название системы Альтхоффа, по имени прусского министра просвещения в 1882–1907 г. На ее недостатки (закрытость, избирательный характер поддержки ряда областей и направлений в науке, личный характер политики) указывал ряд авторитетных критиков, к числу которых принадлежал, например, Макс Вебер. Brocke B. vom. Hochschul- und Wissenschaftspolitik in Preussen und im Deutschen Kaiserreich und im deutsche Kaiserreich 1882–1907: das 'System Althoff'// P. Baumgart (Hrsg.) *Bildungspolitik in Preussen zur Zeit der Kaiserreichs*. Stuttgart, 1980. S. 9–118.

⁷ Именно на ориентацию на немецкую модель после поражения 1870–71 гг. для Франции указывает в первой главе своего капитального труда об университетской системе Третьей республики Кристоф Шарль: Charle Ch. *La République des Universitaires. 1870–1940*. Paris: Seuil, 1994.

⁸ Безусловно, важным для немцев являлся пример Института Карнеги, основанного в 1902 г. в США. Brocke B. vom *Die Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft im Kaiserreich. Vorgeschichte, Grundung und Entwicklung bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieg*// *Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft: Geschichte und Struktur der kaiser-Wilhelm/ Max-Planck-Gesellschaft*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990. S. 127–129.

государство рассматривалось как единственный гарант поддержания и сохранения этих духовных ценностей (что американский историк Фриц Рингер назвал, опираясь на типологию историческую типологию интеллектуальной деятельности, предложенную М.Вебером, «мандаринской идеологией»)⁹. Определенную близость к подобному рода консервативному мировоззрению (но скорее с либерально-индивидуалистской, чем с национал-этатистской окраской) проявляли представители английской интеллектуальной элиты, поскольку речь шла о воспроизводстве и сохранении преподавательской корпорации как круга лиц интеллектуальных профессий, определенной прослойки в пределах имущего класса¹⁰.

Совсем отличной была республиканско-демократическая идеология французских профессоров, т.н. дух «новой Сорбонны», воплощенной Э.Дюркгеймом и Г.Лансоном, где образованию отводилась важная роль в процессах вертикальной мобильности и укрепления сознательных солидаристских начал в обществе¹¹. Во Франции университеты и особенно «высшие школы» рассматривались самими профессорами не самодостаточно, а как подразделения централизованной системы государства, административного корпуса¹². Определенно близки этому типу были умонастроения американских ученых, обусловленные бóльшим прагматизмом, наличием развитой сети негосударственных

⁹ Ringer F. *The Decline of German Mandarines. The German Academic Community, 1890–1933*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969.

¹⁰ Фадеева Л. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Издательство Пермского университета, 1995. С. 119–121.

¹¹ Weisz G. *The Emergence of Modern Universities in France, 1863–1914*. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 273–302, 341–356. Весьма значимой в расширении доступа выходцев из средних и низших слоев к образованию была реформа бакалавриата в 1902 г.

¹² Сторонники идеалов традиционного гуманистического образования, близкие к «мандаринскому» комплексу идей, оказались вне стен университета, самоопределяясь как «литераторы» против «ученых» начиная с дрейфусарской кампании рубежа веков вплоть до спора вокруг «новой Сорбонны» 1910–1912 гг. Ringer F. *The Fields of Knowledge. The French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920*. Camb.: Cambridge University Press, 1992. P. 124–146. Далеко не последнюю роль в этих обвинениях играло представление о насаждаемом реформаторами немецком «сциентизме» взамен традиционной французской риторической культуры. Lepenies W. *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. Cambridge; Paris, 1990. P. 72–80.

университетов, и преимущественно «техническим» характером системы образования в США, так поражавшим немецких визитеров от М.Вебера до К.Лампрехта и В.Зомбарта в начале XX века.¹³ В целом схожей с французской, а не немецкой, была в описываемый период просветительская идеология российской академической интеллигенции, рассматривающей свою ученую деятельность в университетах или в Академии наук¹⁴ – независимо от статуса государственных служащих одного из императорских ведомств – как служение народу и содействие прогрессу развивающегося общества и ориентирующей на политические идеалы конституционной демократии¹⁵. Эти различия в системах организации и идеологии образования и исследовательской деятельности самым непосредственным образом сказались на отношениях внутри международного научного сообщества с началом военных действий летом 1914 г.

На общую ситуацию развития интернациональной науки второй половины XIX в. самое существенное влияние оказала франко-прусская война 1870 г. Ознаменовавшая «победу прусского школьного учителя», эта война также способствовала сосредоточению усилий французского государства по организации научных исследований, особенно в военно-прикладном аспекте¹⁶. Но помимо этого немаловажным в идеологической

¹³ О смешанном чувстве собственного превосходства и опасения перед угрозой «европейским ценностям» со стороны прагматической американской цивилизации у Лампрехта и Зомбарта см.: Trommler F. *Inventing the Enemy: German-American Cultural Relation, 1900–1917// Confrontation and cooperation. Germany and the United States in the Era of World War I, 1900–1924.* Ed. by H.-J. Schroeder. Oxford: Berg Publisher Inc., 1993. P. 113. На организацию американских высших школ как своего рода «фабрик» по передаче знания, в частности, обращал внимание и Макс Вебер в лекции «Наука как призвание и профессия» уже после Первой мировой войны. См. также Schmidt A. *Reisen in die Moderne: Die Amerika-Diskurs des deutschen Burgertums vor den I Weltkrieg im europaische Vergleich.* Berlin: Akademie Verlag, 1997.

¹⁴ О положении российской вузовской и академической системы см.: Колчинский Э.И., Кольцов А.В. *Российская наука и кризисы в начале XX в.// На переломе. Отечественная наука в первой половине XX в. Вып. 2.* СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 55–76.

¹⁵ McClelland J. *Autocrats and Academics. Education, Culture, and Society in Tsarist Russia.* Chicago and London: The University of Chicago Press, 1979. P. 65, 68–74.

¹⁶ Crosland M. *Science and Franco-Prussian War// Social Studies Science. Vol.6. N. 2.* May 1976. P.206–209.

сфере в последующие десятилетия было радикальное неприятие французскими учеными всего, связанного с Германией и прусским духом¹⁷ (в частности, в знак протеста против немецкой агрессии Луи Пастер сложил с себя звание почетного доктора Боннского университета). В то же время для французов Германия по-прежнему оставалась местом передовых научных методов и форм организации исследований и образования (немаловажным фактором значительного немецкого влияния на французскую мысль преимущественно у сторонников леволиберальных взглядов, были стажировки в Германии в течение 1880-х гг. таких будущих крупных ученых и университетских деятелей, как Шарль Сеньобос, Эмиль Дюркгейм, Люсьен Эрр и др.)¹⁸. В XX веке область научных и культурных контактов становится сферой направленной деятельности государства (меморандум о необходимости проведения Германией активной внешней культурной политики, в том числе с опорой и на пацифистские круги, направил в 1912 г. канцлеру Т. Бетман-Гольвегу талантливый и неортодоксальный историк К.Лампрехт)¹⁹. С 1905 г. под патронажем Вильгельма II и Т.Рузвельта начинает действовать система профессорских обменов между университетами Германии и США²⁰. Еще на рубеже веков одновременно с политическим сближением России и Франции в Париже

¹⁷ Особенно показательными были дебаты историков (Д.Штрауса и Э.Ренана, Т.Моммзена и Д.Фюстель де Куланжа). См. Völkel M. Geschichte als Vergeltung. Zur Grundlegung des Revanchegedankens in der deutsch-französischen Historikerdiskussion von 1870/71// Historische Zeitschrift. 257 (1993). N1.

¹⁸ Digeon C. La crise allemande de la pensée française. (1870–1914). Paris: Presses universitaires de France, 1959. P. 369–383. Так, Эмиля Дюркгейма весьма стимулирующей для понимания автономии социальных фактов оказалась командировка в 1885–1886 гг. в Германию и знакомство с тамошней психологической наукой Lukes St. Émile Durkheim. His life and Work. L.: Penguin Books, 1992. P. 86–95

¹⁹ Сдвижков Д.А. Против «железа и крови»: История немецкого движения сторонников мира 1871-1914. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 00. Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik 1918–1932. Köln/Wien: Böhlau Verlag, 1976. S. 14–15.

²⁰ Brocke B. vom Der deutsch-amerikanische Professorenaustausch. Preussische Wissenschaftspolitik, internationale Wissenschaftbeziehungen und die anfaengen einer deutschen auswaertigen Kulturpolitik vor dem Ersten Weltkrieg// Zeitschrift fuer Kulturaustausch 31 (1981) S. 128–182.

начинает действовать Общество изучения России²¹; с 1907 г. активно работает в области межгосударственных культурных и научных отношений общество англо-немецкого сближения, а также комитет франко-немецкого сближения²². В немецких университетах с начала века постоянно увеличивалась российская студенческая диаспора (где были широко представлены те группы населения Российской империи, доступ которых в университеты царской политикой был сознательно ограничен: женщины, евреи, поляки, а также члены радикальных партий); их растущий наплыв вызывал недовольство немецких студентов, не желавших конкуренции, и руководства, что привело к введению начиная с 1912 г. в большинстве высших учебных заведений Германии меры против имматрикуляции выходцев из Восточной Европы²³. Кроме того, именно в Германию устремлялось большинство подготавливавшихся к профессорскому званию выпускников университетов (всего до 1914 г. в заграничные командировки отправлялось около 10–15% от всех, оставляемых при кафедре); с целью изоляции от радикального отечественного студенчества по проекту министра просвещения Л.А. Кассо именно в Германии создавались с 1911 г. специальные институты для подготовки таких кандидатов в профессора по римскому праву, латыни и естественным наукам²⁴.

Идея связи дела ученого с судьбами его родины (в элитарно-консервативном немецком или гражданском французском смысловом употреблении) дало почву представлениям о привлечении знаний и общественного веса ученых в случае начала серьезных событий, о своеобразной мобилизации интеллекта. Совокупность личных связей

²¹ Подробнее см.: Заборов П.Р. Русская литература в журнале “Revue des etudes franco-russes”// Восприятие русской литературы за рубежом: XX век. Л.: Наука, 1990. С. 185–187.

²² Wallace St. War and the Image of Germany. British Academics 1914–1918. Edinburgh: John Donald Publishers LTD, 1988. P. 14–16.

²³ Иванов А.Е. Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – нач. XX вв.// Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1; Шапов Н.Я. Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в.// Исторические записки. Т.115. 1987; Wertheimer J. The ‘Auslaendersfrage’ at Institution of Higher Learning: A Controversy Over Russian-Jewish Students in Imperial Germany// Leo Baeck Institute Yearbook XXVII. 1982.

ученых, заданная командировками, обучением за границей, участием в конференциях или совместных проектах, относительно единый европейский университетский рынок с центром в Германии²⁵, внешне равноправная, но внутренне гетерогенная система межакадемических связей в рамках Международной ассоциации академий – все эти факторы сотрудничества не могли быть достаточно сильны, чтобы выстроить автономную от общества и государства наднациональную сферу развития науки, способную выдержать испытания в условиях крупных международных конфликтов²⁶. Уже опыт франко-прусской войны и последующего скрытого противостояния и напряженности французской и немецкой науки потенциально представлял собой прообраз развития будущих возможных конфликтов²⁷, крупнейший из которых разразился в Европе летом 1914 г. и обозначил начало Первой мировой войны.

«Война манифестов» осени 1914 г.

Коллективные воззвания ученых как средство ведения или изменения научной политики использовались еще до начала мировой войны, но скорее внутри отдельных государств (например, меморандумы т.н. «флотских профессоров» – сторонников территориальной экспансии и роста военной мощи Германии в начале века, известная «Записка 342 ученых» о необходимости автономии высшей школы в России, подготовленная в начале 1905 г.). Но именно летом и осенью 1914 г. этот

²⁴ Иванов А.Е. Высшая школа в России в начале XX в. М., 1991 С. 214–217.

²⁵ Karady V. La république des lettres des temps modernes. L'internationalisation des marchés universitaires occidentaux avant la Grande Guerre// Actes de la recherche en sciences sociales. N 121–122. Mars 1998.

²⁶ Так, еще до начала войны, в марте 1912 г. Совет Русского географического общества признал «в высокой степени неблагоприятными» публикацию членом Общества шведским путешественником в Центральной Азии Свенем Гедином брошюры «Слово предостережения», где он писал о захватнических интересах и устремлениях Российской империи в т.ч. относительно Скандинавии (к этому инциденту также было причастно Министерство иностранных дел России). Известия Императорского Русского географического общества. 1912. Т. 48. (Приложение: Действия Общества) С. 19–20. Свен Андерс Гедин (1865–1952), отношения с которым в 1920-е гг. с русскими географами были вновь налажены в области изучения Монголии, затем, в годы Второй мировой войны, сотрудничал с гитлеровской Германией.

²⁷ Начиная с рубежа веков в интеллектуальных кругах Франции начинается формирование представлений о Германии как прирожденном антагонисте, а не просто оппоненте или сопернике Франции. Digeon C. Op.cit. 463–476.

жанр не только получил распространение в области внешнеполитической, но и обозначил наиболее ярко крушение прежних форм и идеалов международного научного сотрудничества. Хотя наиболее значимым было участие в этой публичных дебатах немецких ученых, начало им было положено в Англии, и направлены они были как раз против ее вовлечения в начавшееся вооруженное противостояние на континенте. 1 августа 1914 г. на страницах «Таймс» появилось подписанное шестью профессорами (среди них известным английским физиком Дж.Дж. Томсоном) воззвание, предупреждающее относительно возможности участия Англии в войне на стороне самодержавной России против Германии, которой Европа и Англия столь обязана многими научными и культурными достижениями, так что война против нее, по мнению авторов, стала бы «грехом против цивилизации». Но после объявления Англией войны Германии 5 августа 1914 г. настроения английского общества претерпели существенные изменения и уже 18 сентября появилось обращение противоположного рода, «Судьба и долг Британии», подписанное Г.Уэллсом, А. Конан Дойлем, Р.Киплингом и рядом ученых. Наряду с выражением высочайшего уважения и благодарности к Германии и ее культуре, его авторы отказывались признавать, что «какая-либо нация обладает правом навязывать грубой силой свою культуру другим нациям, или что железная военная бюрократия Пруссии представляет собой более высокую форму человеческого общежития, чем свободные конституционные державы Западной Европы»²⁸.

Поворотным пунктом в отношениях ученых стран Антанты к Германии стала бомбардировка Реймского собора и разрушение ряда других памятников европейского искусства²⁹, оказавшихся в зоне боевых действий на Западном фронте, но более всего – гибель библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории

²⁸ Brocke B. vom 'Wissenschaft und Militarismus' Der Aufruf der "An die Kulturwelt!" und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg// Wilamowitz nach 50 Jahren. Hg. Von. W.M. Calder III. Darmstadt, 1985. S. 670.

²⁹ См. подробнее: Баумгартен Е.Е. Мартиролог погибших памятников искусства// Вопросы мировой войны. Сб. под ред. М.И.Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 202–204, 219–221.

оккупированной Бельгии³⁰. Этот акт, ставший по образному выражению немецкого историка В.Шивельбуха «Сараевом европейской интеллигенции», напрямую отсылал к судьбе Александрийской библиотеки и оказался весьма удобен в качестве самой красноречивой иллюстрации натиска современных гуннов и варваров (немцев) против старой европейской культуры³¹. Именно тогда в ответ на открытое письмо уехавшего в Швейцарию Ромена Роллана немецкий драматург Герхард Гауптман, заслуженно снискавший себе до войны репутацию защитника свободомыслия, ответил, что не пощадит шедевра Рубенса ради спасения жизни хотя бы одного немецкого солдата³².

Начавшаяся в печати стран Антанты публичная антинемецкая кампания стала исходным толчком для организации наиболее известного (и одиозного) обращения 93 немецких интеллектуалов «К культурному миру». Из этого числа 58 были профессорами (22 – в естественных науках и медицине, 33 были или станут после членами Прусской Академии

³⁰ О поведении немцев на территории оккупированной Бельгии, которая по планам аннексионистов должна была полностью или частично войти в состав будущей Германии см.: Красильников Е.П. Политика германских оккупантов в Бельгии в годы Первой мировой войны// Ежегодник германской истории. 1987. М.: Наука, 1988. С. 84–87.

³¹ Библиотека насчитывала 230 томов, 950 манускриптов и 800 инкунабул. Derez M. The Flames of Louvain: The War Experience of an Academic Community// Facing Armageddon. The First World War Experienced. L.: Leo Cooper, 1994. P. 622. Любопытен приводимый В.Шивельбухом факт: пожар, приведший к гибели всей библиотеки Страсбургского университета, включая 2400 средневековых рукописей, начиная с VIII в., при занятии города прусскими войсками в ночь с 24 на 25 августа 1870 г. не вызвал столь бурной реакции общественности, именно потому что еще не существовало механизма пропаганды и соответственно реагирующей культурной среды. Schivelbuch W. Die Bibliothek von Löwen. Eine Episode aus der Zeit der Weltkriege. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1988. S. 32–33.

³² Уже с осени 1914 г. Роллан, живущий в Женеве, изданием известной статьи «Над схваткой» станет одним из крупнейших деятелей европейского пацифистского движения и сосредоточит свои усилия на преодолении негативных последствий войны для мирового интеллектуального сотрудничества. См. Ревякин А.В. Война и интеллигенция во Франции// Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998; Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie: les intellectuels et la première Guerre mondiale (1910–1919). Paris, 1996. P. 142–151. Именно первые публикации в «Журналь де Женев» и «Трибюн де Женев» в сентябре 1914 г. станут одними из первых событий идеологической войны между немецкими интеллектуалами и их оппонентами еще до появления «Воззвания 93-х».

наук)³³. Инициатором его создания был руководитель бюро информации имперского военно-морского ведомства капитан Генрих Лоляйн, а непосредственным автором этого «профессорского воззвания» драматург и переводчик Людвиг Фульда. После обсуждения исходного варианта этого воззвания в Берлине с 13 по 19 сентября при участии писателя Германа Зудермана, обер-бургомистра города Георга Райке и профессора Рилия, под этим документом согласились дать свои подписи ведущие ученые страны – историки Карл Лампрехт и Эдуард Мейер, философы Вильгельм Виндельбанд и Вильгельм Вундт, химики Фриц Габер, Эмиль Фишер и многие другие (притом, как признавали впоследствии часть из них, вроде экономиста Луйо Брентано, даже без внимательного ознакомления с текстом документа)³⁴. В воззвании, построенном по всем законам риторики, шестикратное «неправда, что...» отрицало обвинения Германии в развязывании войны, нарушении бельгийского нейтралитета, «зверствах» и варварском поведении немецких солдат; его авторы подчеркивали единство немецкой армии и культуры и спасительная ценность этого милитаризма, без которого немецкая культура «была бы стерта с лица земли»³⁵. Все это сыграло роль, полностью противоположную общим намерениям инициаторов манифеста – вместо защиты и утверждения правоты немецкой стороны, обращение «К культурному миру» стало, в том числе и для общественного мнения нейтральных стран, наиболее очевидной демонстрацией шовинизма и самоослепления лучших представителей немецкой духовной жизни (от чего, впрочем, совсем не были свободны и появившиеся в этой полемике

³³ Из подписавших 17 были деятелями искусства, 15 ученых-естественников, 12 теологов, 9 писателей и поэтов, по 7 – юристов, медиков и историков, 5 искусствоведов, 4 философа и филолога, 3 музыканта и всего 2 политика (Фридрих Науман и Георг Райке). Wehberg H. Wider Aufruf der 93! Berlin, 1920. S. 25. Идея организаторов как раз и состояла в том, чтобы о единстве армии и духа нации свидетельствовали лучшие представители последнего, а не «ангажированные» по статусу парламентарии или деятели правительства.

³⁴ История создания воззвания «К культурному миру!» наиболее подробно представлена в: Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. Das Manifest der 93 und diae Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart: F.Steiner Verlag, 1996. S. 19–25.

³⁵ Две культуры. (К философии нынешней войны). Пг.: Издательство Б.С.Бычковского, 1916. С.136

обращения ученых, писателей и интеллектуалов прочих воюющих государств). В опубликованном в «Русских ведомостях» 28 сентября обращении от имени писателей, художников и артистов поддерживалась необходимость обуздания германской жестокости правой силой, при этом авторы указывали на опасность поддаться соблазну мести: «Уже прорастает широко брошенное ее (Германии – А.Д.) рукой семя национальной гордыни и ненависти; пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом... и отрекающихся от всего великого и прекрасного, что было создано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей... Противники ее, несущие народам мир и освобождение, воистину должны быть руководимы лишь священными чувствами!»³⁶ (это воззвание подписали, вместе с Горьким, Шаляпиным, Собиновым, Станиславским и Вахтанговым также Ф.Е. Корш, А.И. Кизеветтер, Л.М. Лопатин, В.М. Фриче, П.Б. Струве, М.И. Ростовцев, П.Н. Сакулин и многие другие, всего около тысячи человек).

«Воззвание 93-х» было дополнено в октябре лаконичным «Обращением преподавателей высших школ германского рейха», подписанным более чем 4000 профессоров и приват-доцентов (его автором был выдающийся немецкий антиковед Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф) и «Декларацией немецких университетов» для университетов за границы, принятой по инициативе Тюбингенского и поддержанной ректорами и сенатами всех 22 университетов Германии. В том и другом документе ведущей мыслью было единство немецкого народа и его интеллектуальных вождей с воюющей армией – в противовес тезису союзников о наличии «двух Германий» – «подлинной» страны поэтов и философов и державы победившего варварства и милитаризма; во всех немецких документах начавшейся в 1914 г. «войны духа» Германия Гете и Канта была тождественна Германии Бисмарка и Гинденбурга. Занятия наукой и военная служба рассматриваются в обращении

³⁶ Русские ведомости. 1914 г. 28 сентября. (№ 223). С. 6.

Виламовица (совершенно в духе «мандаринской» идеологии) как веления долга, средства воспитания чувства чести и самосознания свободного человека в добровольном подчинении себя целому: «На том стоят наши войска в борьбе за свободу Германии и тем самым за все блага мира и добронравия не только в самой Германии. Мы верим, что благополучие всей европейской культуры зависит от победы, за которую сражается немецкий ‘милитаризм’, от дисциплины, верности, самопожертвования единодушного свободного народа»³⁷.

Осенью–зимой 1914 г. в обилии появлялись коллективные ответы германским профессорам – начиная с обращения 117 видных британских ученых в «Таймс» (21 октября 1914 г.). 26 октября на ежегодном публичном заседании Института Франции (объединяющего 5 французских Академий) был принят специальный ответ на «Воззвание 93-х» (соответствующие документы были также утверждены и на общих собраниях отдельных Академий), а 3 ноября – как отклик на вышеупомянутую немецкую декларацию – распространен Манифест 15 французских университетов, обращенный к университетам нейтральных стран. «Ответ германским ученым», подписанный 166 представителями университетской общественности Петрограда и Москвы, появился во второй половине декабря и в России (вместе с тем следует заметить, что в числе подписавших, среди которых были Н.С. Курнаков, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, Б.А. Тураев и др., отсутствовали имена В.И. Вернадского, А.П. Карпинского и С.Ф. Ольденбурга)³⁸; Ученый Совет Казанского университета в начале 1915 г. также принял специальный контрмеморандум, обращенный к немецким ученым³⁹. Негативный ответ немецким ученым был принят также на заседании Академии наук

³⁷ Aufrufe und Reden deutsche Professoren im Ersten Weltkrieg. Hg. Von K. Böme. Stuttgart: Reclam, 1975. S. 50. Сходные соображения содержались в известной публичной речи Виламовица 20 ноября 1914 г. «Наука и милитаризм». Brocke V. vom 'Wissenschaft und Militarismus' S. 692–699.

³⁸ День. 1914. 21 декабря. С. 3. Н.П. Анциферов сообщал, что от подписания манифеста, на что требовалась немалая личная храбрость в готовности пойти наперекор мнению большинства своего «цеха», отказались Л.И. Петражицкий и Н.И. Кареев. Анциферов Н.П. Из дум о былом. М.: Феникс–Атенеум, 1994. С. 136.

³⁹ Ответ германским ученым// Ученые записки императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2

Португалии; в то же время реакция на воззвание «К культурному миру» в ряде других европейских стран с преимущественно прогерманской ориентацией была в целом позитивной (в Швеции, Испании и Греции)⁴⁰. В Швейцарии, в высших школах которой было достаточно много приверженцев либерально-социалистических взглядов, также появилось обращение 314 профессоров «Задачи швейцарских высших школ», авторы которого недвусмысленно отмежевывались от позиции большинства немецких коллег, выраженной в «Воззвании 93-х»⁴¹.

Следует отметить, что коллективными посланиями обменивались между собой также теологи ряда воюющих стран, привлекая в ходе полемики конфессиональные различия. Так, в «Адресе евангелическим христианам за границей» берлинские теологи отмечали факты притеснения гражданских лиц немецкой национальности в странах Антанты, эта позиция была оспорена в обращении их коллег из Оксфорда «К христианским ученым Европы»; место христианской религии и морали в войне были предметом публичных воззваний преподавателей протестантских богословских учебных заведений Парижа, Голландии и Швейцарии⁴². Попытка представить войну как противостояние протестантского немецкого и католического французского народов (вполне распространенный взгляд, например, среди российской интеллектуальной публики) было немедленно отвергнуто как французскими протестантами, так, в особенности, политически влиятельными немецкими католиками⁴³.

Особенно негативной была реакция на оправдание германскими учеными действий своей страны была в Америке. В США появлялись персональные ответы видных ученых или администраторов на воззвание 93-х (как, например, Самуэля Гардена Черча, президента Института

⁴⁰ Brocke B. von 'Wissenschaft und Militarismus'. S. 675–676.

⁴¹ Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 86.

⁴² Besier G. Les Eglises protestantes en Allemagne, en Grande-Bretagne, en France, et le front interieur (1914–1918)// Le Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Dir. de J.-J. Becker et St.Audoin-Roupeau. Nanterre, 1990.

⁴³ Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 98.

Карнеги⁴⁴), подчеркивавших отречение немецких коллег от ими же провозглашенного идеала «свободы преподавания» и тот факт, что для большинства германских ученых их лояльность государству в качестве служащих оказалась важнее принципов научной нейтральности и объективности⁴⁵. В связи с обращением «К культурному миру», который Торнстейн Веблен назвал «душевным расстройством немецкой мысли»⁴⁶, другой видный американский ученый, основатель школы «интеллектуальной истории» Артур Лавджой в письме к издателю журнала “Nation” в ноябре 1914 г. сформулировал позицию большинства американского академического сообщества следующим образом: «Мы многому научились у немецких мыслителей по части исторической объективности и методов исторического критицизма, но то, что мы получили из применения этих принципов к современным событиям, являет собой грубую компиляцию неточностей, домыслов и вульгарных обращений к тому, что принято считать американскими предрассудками... Этот инцидент содержит в себе слишком много поучительного и

⁴⁴ Ответ Черча был распространен в форме открытого письма д-ру Фрицу Шаперу от 9 ноября 1914 г. и тогда же переведен на ряд языков, включая русский (в вышеупомянутом сборнике «Две культуры»). Позднее, уже после окончания войны, Никлас М.Баттлер, президент Колумбийского университета и один из инициаторов системы немецко-американских профессорских обменов в прошлом, усматривал в «Воззвании 93-х» свидетельство поразительного самопроституирования немецкой учености и науки перед национальной жадой завоеваний. Wehberg H. Wider Aufruf der 93! S. 30.

⁴⁵ О восприятии американскими социальными учеными и философами роли интеллектуальной элиты Германии в «войне духа», которое, добавим, было в некоторых важных отношениях зеркально противоположно антинемецким выпадам русских неославянофилов, см: Joas H. Sozialwissenschaftler und Erster Weltkrieg// Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. Hg. Von W.J. Mommsen. München: R.Oldenburger Verlag, 1996. S. 23–25. Некоторым исключением была точка зрения известного антрополога Франца Боаса (немца по происхождению) в целом склонного осенью 1914 г. поддерживать, хотя и не без оговорок, позицию немецкой стороны. Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. S. 87–88.

⁴⁶ Веблен, много почерпнувший у Герберта Спенсера и британского теоретика империализма Дж.Гобсона, в осенние месяцы 1914 г. спешно заканчивал книгу «Имперская Германия и индустриальная революция» (1915), где он последовательно противопоставлял британское «индустриальное общество» (подчеркивая его внутренние конфликты) феодальному принципу организации немецкого «военного общества». Semmel V. The Liberal Ideal and the Demons of Empire. Theories of Imperialism from Adam Smith to Lenin. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1993. P. 122–129.

предостерегающего для американских коллег, чтобы оставить его без внимания. В связи с прочими обстоятельствами важно показать, во-первых, что профессиональный класс, в стране, где он играет наибольшую роль, не сумел в самый решающий момент немецкой истории исполнить присущую ему функцию ангажированного и действенного критицизма и холодного рассудка, а во-вторых, что приниматься во внимание и рассматриваться должны только факты, и то, что к ним относится»⁴⁷. Одним из важных мероприятий коллективной войны манифестов был публичный меморандум оксфордских историков «Почему мы воюем. Случай Британии», оперативно выпущенный в сентябре 1914 г. (издан также и на русском языке), который вскоре вызвал появление ответной декларации германской стороны⁴⁸, а затем — по инициативе МИДа и преемника Альтхоффа в прусском министерстве просвещения Ф.Шмидт-Отта — обобщающего сборника «Германия и мировая война» (под редакцией Отто Хинтце, с участием Германа Онкена, Фридриха Майнеке и др.), уже вскоре вышедшего вторым изданием.

«Война духа»: 1915–1919 гг.

Для «людей духа», исследователей или преподавателей, в деле обеспечения лояльности своему правительству или народу в рассматриваемое нами время менее всего речь может идти о корыстном интересе, выгоде или «коррупционности» — подавляющее большинство из них участвовало в начавшейся практически одновременно с пушечными выстрелами «войне духа», исходя из высших и с их точки зрения вполне благородных побуждений, рассматривая войну как время утверждения еще ранее провозглашенных и потенциально всеохватывающих идеалов и ценностей⁴⁹. Эти основания и мотивы могли быть самыми разными: от поддержки государства как носителя и гаранта

⁴⁷ Gruber C.S. Mars and Minerva. World War I and the Uses of Higher Learning in America. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1975. P. 67–68.

⁴⁸ Aufrufe und Reden deutsche Professoren im Ersten Weltkrieg. S. 54–56 (датирована 3 декабря 1914 г.).

⁴⁹ В самом общем виде на примерах интеллектуалов (главным образом писателей) разных стран проблему восприятия начавшейся войны рассматривает Р.Стромберг. Stromberg R. Redemption by War. Intellectuals and 1914. Lawrence, Kansas, 1982.

высших духовных ориентиров (мандаринская идеология в Германии), обеспечения государственного единства (тема, актуальная для Австро-Венгрии⁵⁰) до защиты республиканско-демократических завоеваний от прусского милитаризма (Франция и США), обретения невозможного ранее единства с властью, народом и передовыми демократиями Запада (Россия, в последнем аспекте также Италия). Общими было изображение своей стороны как обороняющейся, вынужденно принявшей на себя необходимость вооруженной борьбы ради защиты своей культуры от варварства коварно напавшего противника, прикрывающего внешними признаками цивилизации агрессивное насаждение собственного превосходства. Особенно распространенным среди общественности стран Антанты было изображение своего противостояния Германии как борьбы культуры с варварством – после Лувена и Реймса (особенно у Бергсона и Эмиля Бутру⁵¹); для англичан и американцев привычными «антигероями» пропагандистской литературы и публицистики были Фридрих Ницше, «младогерманский» историк Генрих фон Трейчке и генерал фон Бернгарди⁵². При этом в пропагандистских целях использовались, позитивно или негативно, как уже испробованные мифы о национальном характере или представления о «исконных чертах», свойственных тому или иному народу (немецкий казарменный дух vs. организованность,

⁵⁰ Идея «австрийскости» переосмысливалась не как шовинистическая, подавляющая своеобразие всех входящих в империю народов, но как объединяющая интересы входящих в империю народов. Ramhardt G. *Geschichtswissenschaft und Patriotismus. Österreichische Historiker im Weltkrieg 1914–1918*. München: R. Oldenburg, 1973. S. 191–193. См. в связи с этим о позиции известного правоведа Ганса Кельзена, выраженной в его лекциях периода войны: Pfersmann O. *La guerre et le concept en Autriche-Hongrie // Les Philosophes et la guerre de 1914*. Saint-Denis: PUF, 1988. P. 52–53.

⁵¹ Prochasson Ch., Rasmussen A. *Au nom de la patrie P. 193–194*; Бутру Э. *Германия и война*. Пг.: Синодальная типография, 1914. При том философ Эмиль Бутру (1845–1921) до 1914 г. был одним из самых горячих приверженцев немецкой интеллектуальной культуры; в 1916 г. стал членом-корреспондентом Российской Академии наук.

⁵² См., например, ответ С.Г. Черча по поводу «Воззвания 93-х» или переизданную во многих европейских странах, в т.ч. и в России, работу проф. Крэмба «Германия и Англия» (1914), появившуюся уже после смерти историка. Генерал кавалерии Фридрих фон Бернгарди (1849–1930) в работах «Современная война» (СПб., 1912) и «Германия и будущая война» считал войну необходимой для будущего

английское коварство vs. верность союзникам и выдержка, русский деспотизм vs. всеотзывчивость и т.п.), так и порождались новые комплексы идей. Один из них – насчет «двух Германий» – был упомянут ранее; потом он также был дополнен идеей «двух России» (колоссальной самодержавной империи – и загадочной и миролюбивой страны Толстого и Достоевского⁵³) или «двух Англий» (этот образ Ганс Дельбрюк и Герман Онкен в Германии противопоставляли распространенным нападкам на «коварную Англию» как главного противника Рейха⁵⁴). Российские неославянофилы вроде С.Булгакова или Вл.Эрна проповедовали тезис о существовании «двух Европ»: гибельного воплощения протестантского секулярного пруссачества – и возрождающегося края старинных алтарей, духовного подвига наследников Жанны д'Арк⁵⁵.

В Германии это было представление об «идеях 1914 года», связанных с «немецким идеалом» порядка и внутренней свободы, гражданского мира и «священного единства» нации в противовес русскому деспотизму⁵⁶ и англо-французской плутократической анархии, легитимирующей себя известным набором идей 1789 года о свободе, равенстве и братстве⁵⁷. Ответная триада «долг, порядок, законность» была изложена в трудах шведского прогермански настроенного профессора Р.Киеллена и затем раскрыта – как квинтэссенция идей 1914 г. в

Германии и призывал не останавливаться против самых жестких средств ведения войны ради достижения победы над противником.

⁵³ В Англии при этом указывали, что именно Россия была инициатором Гаагской конференции по разоружению 1899 г.

⁵⁴ См.: Schwabe K. *Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politische Grundfragen des Ersten Weltkrieg.* Göttingen: Musterschmidtverlag, 1969. S. 27–29.

⁵⁵ См. подробнее: Колеров М.А., Плотников Н.С. *Социал-либеральный образ Германии в России// Ежегодники по истории русской мысли. 1999. М.: ОГИ, 2000. С. 114–148.*

⁵⁶ Определенную дистанцию от такого рода представлений в отношении России и планов неограниченной экспансии на Востоке занимал руководитель Общества по изучению Восточной Европы, созданного незадолго до войны, консервативный историк Отто Хётч, который в связи с этим был в изоляции относительно большинства своих коллег по Берлинскому университету. Schwabe K. *Wissenschaft und Kriegsmoral.* S. 29.

⁵⁷ Demm E. *Les intellectuels allemands et la guerre // Le Société européennes et la guerre de 1914–1918.* Sous dir. De J.-J. Becker et St. Audoin-Roureau. Nanterre, 1990. P. 185–187.

одноименной работе мюнстерского экономиста Иоханна Пленге⁵⁸. Разумеется, немалую роль в формировании воинственного патриотизма ученых Германии легитимирующую роль сыграли воззрения немецких мыслителей вековой давности периода войны с Наполеоном за национальную независимость, особенно «Речей к немецкой нации» Фихте, антифранцузских сочинений Клейста, Герреса и других идеологов романтизма. Сюда примыкает и ставшее популярным противопоставление корыстных фарисеев-англичан одухотворенным рыцарскими идеалами немцам (согласно печально известной книге Зомбарта «Торговцы и герои (1915)», или на примере стилизации Эд. Мейером противостояния Карфагена и Рима под текущий англо-германский конфликт)⁵⁹. Вновь актуализировалось бытующая еще с рубежа веков оппозиция (немецкой, этатистской, внутренне одушевленной) **культуры** и (буржуазной, французской или попросту западной, внешней и механистической) **цивилизации**, легшее затем в основу историософии Освальда Шпенглера. Позднее к ним добавился образ молодых и деятельных наций-«пролетарок», неминуемо сталкивающихся со старыми и отжившими ростовщическими и империалистическими европейскими нациями (одновременно с Паулем Леншем, сотрудником «Ди Глоке» Парвуса и экс-

⁵⁸ Обсуждение книги Пленге и концепции «немецкого социализма» (одного из вариантов идеи «гражданского мира» между предпринимателями, юнкерством и социал-демократией под патронажем короны) рассматривается в: Krüger D. Nationalökonomien in wilhelminischen Deutschland. Göttingen, 1983. S. 194–204. Подробнее о биографии Пленге: Schildt A. Ein konservativer Prophet moderner nationaler Integration. Biographische Skizze des streibaren Soziologen Johann Plenge (1874–1963)// Vierteljahrsheft fuer Sozialgeschichte 35 (1987). S. 523–570.

⁵⁹ Достаточно близки этим представлениям оказались и философы, до войны занимавшие маргинальные и в целом более модернистские позиции относительно господствующей «мандаринской ортодоксии» и неокантианской философии культуры, как Георг Зиммель («Война и духовные решения». 1917) или Макс Шелер («Гений войны и немецкая война», 1915). Schneider G. Intellektuelle und Krieg: Max Scheler Kriegsbegriff und die Konsequenzen für die Politik// Intellektuelle in der Weimarer Republik. Hg. Von W.Bialas und G.Iggers. Fr.a.M: Peter Lang, 1992. Однако в отличие от пруссаческого преклонения перед государством в мировоззрении Шелера, близкого к Зомбарту и кругу проводников «идей 1914 г.», были важны южнонемецко-католические мотивы.

социал-демократом, эту протофашистскую идею в Италии развивали Коррадини и Михельс⁶⁰).

В российских интеллектуальных кругах воодушевление августа-сентября 1914 г. было весьма сходно с тем настроением, что охватило немецкое общество в эти же первые месяцы войны⁶¹. «Священное единство Государя с народом», забвение прежних политических и идейных распрей перед лицом общего врага, утверждение православной религиозности вопреки засилью германской обмирщенной цивилизации и культуры – все эти темы были в центре обсуждения духовных проблем войны⁶². Ведущую роль в этих дебатах играли философы религиозно-идеалистического направления, связанные с изданием сборника «Вехи» и деятельностью издательства «Путь»⁶³. Ключевым событием стало открытое заседание Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева в Москве 6(19) октября 1914 г., на котором был среди прочих зачитан ставший широко известным доклад В.Ф. Эрна «От Канта к Крещению», где сущность немецкого милитаризма и жажды овладения миром логически дедуцировалась из протестантской религиозно-

⁶⁰ Левина М.И. От революционаризма к правому радикализму (эволюция взглядов Р. Михельса). М.: ИНИОН, 1983. С. 21–22; Demm E. Les intellectuels allemands et la guerre. P.193. Михельс был также исключен М.Вебером и Э.Яффе из числа соиздателей «Архива социальной науки и социальной политики».

⁶¹ Своеобразную хрестоматию откликов русской идейной публицистики на события войны представляет собой сборник П.Кудряшов (ред.) Идейные горизонты мировой войны. М.: Издание кн. магазина «Труд», 1915.

⁶² Наиболее подробный анализ философской публицистики этого времени: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война// *Studia russica helsingiensia et tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века.* Под ред. Л.Бюклинг и П.Пессонена. Helsinki, 1989. С. 211–239.

⁶³ Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000. С. 247–259. Несколько скорректированными в пользу господствующего патриотического умонастроения стали в тот период и взгляды русских оппонентов неославянофильства, участников «Логоса» – международного журнала по философии культуры, выходящего также и в Германии начиная с 1910 г. См., например: Гессен С.И. Идея нации// *Вопросы мировой войны.* С. 562–589. Безусловно, здесь также сказалась реакция на поведение недавних германских соратников по «Логосу» – см. письмо Б.В. Яковенко из Италии Г.Г. Шпету от 21 января 1915 г. *Логос.* № 3. 1992. С. 252.

метафизической основы кантовской философии⁶⁴. Этот боевой антигерманизм, однако, не выражал точку зрения всех философов этого лагеря, во многом видящих в этом перевод германских шовинистических идей на русскую почву в духе «Руссланд, Руссланд юбер аллес» (как обозначил это настроение Е.Н. Трубецкой)⁶⁵. Перемещение обсуждения идей из газетной публицистики на страницы журналов (в первую очередь – «Русской мысли») свидетельствовал о некотором стихании шовинистических настроений и перемещении обсуждения в плоскость нового понимания истории после очевидного крушения либеральных традиций и ценностей предыдущей эпохи *fin de siècle*⁶⁶.

В Германии, Англии и США ученые активно участвуют в деятельности пропагандистских ведомств, составлении документальных сборников, призванных оправдать участие своей страны в войне как сугубо обороняющейся стороны. (Немецкая Белая книга, австрийское досье о сараевском убийстве, английская Синяя книга, бельгийская Серая книга, русская Оранжевая книга). Помимо вышеуказанного сборника

⁶⁴ Этот доклад вошел позднее в сборник Эрна «Меч и крест» (1915); положения его лекций в Москве в начале 1915 г. (опубликованные в сборнике «Время славянофильствует») были оспорены Е.Н. Трубецким и И.А. Ильиным. Тезис о том, что «грехопадение» немецкой интеллектуальной элиты подтвердило гибельность представления о культуре как высшей ценности, вне живой действительности христианского Логоса был развиты также в: Васильевский Г.А. Виновата ли германская культура. Пг.: Типография А.Э. Винеке, 1915. С. 22–30.

⁶⁵ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 589, 594. (Письма Е.Н. Трубецкого М.К. Морозовой от 29 августа и 5 сентября 1914 г.). Сходные настроения – о необходимости перехода от осуждения Германии к внутреннему самоочищению – высказывал и С.Л. Франк, еще ранее полемизировавший с крайним неославянофильством в лице Эрна. Колеров М.А., Плотников Н.С. Социал-либеральный образ Германии в России. С. 137–144. И.А. Ильин в конце 1914 г. подчеркивал в статье в «Вопросах философии и психологии» основное нравственное противоречие войны – убийство себе подобного остается грехом даже когда совершается во имя высших надличностных идеалов, и в целом резко осуждал «патриотический угар» Бердяева, Булгакова, Вяч. Иванова и др. См.: Из неопубликованных писем И.А. Ильина к Л.Я. Гуревич// Вопросы философии. 1996. № 2. С. 118–121.

⁶⁶ Этот вопрос наиболее обстоятельно рассмотрен в двух публикациях В.В. Носкова: 1). «Россия, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России// Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; 2). Первая мировая война и русская философия истории// Проблемы всемирной истории. Сборник в честь А.А. Фурсенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

оксфордских историков, также содержащего официальные документы британского МИД, в ходе войны большими тиражами распространялись т.н. «оксфордские памфлеты» – брошюры историков, юристов, экономистов и гуманитариев, посвященных тем или иным актуальным вопросам текущей войны (всего появилось более 80 выпусков). Пропагандистская деятельность британцев (Центрального комитета национальных патриотических организаций⁶⁷) и Ассоциации американских профессоров во главе с А.Лавджоем и Д.Дьюи, выступавшей за вступление США в войну, была тем успешнее в глазах внешнего мира, что проводилась внешне неправительственными организациями, по контрасту с подчеркивающимся германскими учеными близости почти сакрализованному Государству⁶⁸. Комитет по публикации документов и исследований о войне был создан под руководством Э.Лависса и Э.Дюркгейма в Париже и состоял из известных профессоров Сорбонны, Высшей Нормальной школы и Коллеж де Франс⁶⁹. Под его эгидой был выпущена также серия работ, в т.ч. самого Дюркгейма и известного германиста Чарльза Андлера, посвященная разоблачению идеологии пангерманизма и агрессивных целей противника⁷⁰. По инициативе «Фигаро» в начале 1915 г. видным французским ученым была послана анкета с просьбой оценить соотношение французской и немецкой науки, их вклада в общечеловеческую культуру и прогресс знания. В результате в

⁶⁷ С начала 1916 г. усилия по пропаганде были централизованы и сосредоточены английским правительством в т.н. «Веллингтон-хаузе». Sanders M.L., Taylor Ph.M. *British Propaganda in the First World War*. Manchester, 1992.

⁶⁸ Этот новый социальный феномен – массовая пропаганда – стал предметом пристального внимания зарождающейся политологии; см. специальное исследование одного из классиков американской политической науки: Ласуэлл Г. *Техника массовой пропаганды в войне*. М., 1927.

⁶⁹ Gephart W. *Die französische Soziologie und der Erste Weltkrieg. Spannungen in Emil Durkheims Deutung des Grossen Krieges*// *Kultur und Krieg*. S. 54–58. Об участии в этих кампаниях французских историков и философов см.: Luzzato S. *Les tranchées de la Sorbonne: les historiens français et le mythe de la guerre révolutionnaire (1914–1918)*// *Storia della Storiografia*. 20 (1991). P. 3–27; Gerbod P. *Les publications philosophiques françaises et la Première Guerre Mondiale (1914–1919)*// *Les Philosophes et la guerre de 1914*. P. 33–46.

⁷⁰ Lukes St. *Émile Durkheim*. P. 549–559. При этом сам Дюркгейм как эльзасец и еврей с германским именем во время войны (как и в ходе полемики вокруг «новой Сорбонны») подвергался нападкам националистов, в том числе с трибуны Сената.

1916 г. под редакцией профессора Габриэля Пети и журналиста Мориса Лоде был выпущен сборник «Немцы и наука», содержащий 27 статей, в том числе Эмиля Бутру, Эмиля Пикара, английского химика Вильгельма Рамзая и др., по разным областям знания (17 авторов к тому времени были академиками). Особенно выделяется в этом смысле статья физика Пьера Дюгема, генерализовавшего противопоставление экспериментальной и рационалистической традиции французской физики «абстрактному геометризму» новейшей немецкой науки и теории Эйнштейна до идеи особых «национальных стилей» в науке. Большинство авторов сборника подчеркивало приоритет французской науки⁷¹, сосредоточенной, по их мнению, на фундаментальных исследованиях, перед якобы только организаторскими и прикладными усилиями немецких коллег, сосредоточенных на технической и утилитарной стороне поднимаемых вопросов (немецкая наука как служанка французской науки, по выражению Дюгема)⁷².

В годы войны Франция продолжала вести активную внешнюю культурную политику, в первую очередь в противовес опасности немецкого влияния. 12 февраля 1915 г. в Сорбонне в присутствии высших официальных лиц государства состоялась публичная манифестация интеллектуальной солидарности и культурного единства латинских народов в борьбе с Германией (от имени Франции выступал историк Эрнест Лависс, от Испании – Бланко Ибаньес, от Италии – Гуильельмо Ферреро и др.)⁷³. Специально ко всемирной выставке в Сан-Франциско в

⁷¹ Исходными здесь были положения протеста, принятого на заседании Академии наук 3 ноября 1914 г., где подчеркивалось, что именно представителям латинской и англосаксонской цивилизации принадлежит большинство открытий в области математики, физики и естественных наук за последние три века, равно как и принципиальные изобретения в области техники, сделанные в течение XIX в. Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P.206.

⁷² Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. Geneve, 1966. S. 75–77. Сходным образом о преимущественно техническом использовании немцами достижений французской науки высказывался и Эдуард Леру в статье (переведенной на русский язык): Франция и Германия. Две культуры// Две культуры. С. 83–85.

⁷³ К психологии переживаемого момента (Манифестация в честь латинской культуры)// Северные записки. 1915. Февраль. С. 182–199. Выступали также представители греческого и португальского народов.

1915 г. министерством общественного образования и культуры был подготовлен итоговый сборник «Французская наука». Анри Бергсон и Эмиль Дюркгейм как авторы разделов по философии и социологии также настаивали на новаторском и пионерском характере французских исследований в гуманитарной сфере по сравнению с немецкой наукой⁷⁴. Продолжала действовать и сеть Французских институтов, созданных за границей с целью облегчения научного общения и распространения достижений французской цивилизации и культуры (в том числе и открывшийся в 1911 г. под руководством слависта Жозефа Патуйе в Петербурге)⁷⁵. Видный французский математик Эмиль Борель пытался, и не без успеха, через своего итальянского коллегу Вито Вольтерра организовать общественное мнение в академических кругах Италии против немецких обращений осени 1914 г.⁷⁶ Французские ученые участвовали в сборнике «Вопросы мировой войны», подготовленном М.И. Туган-Барановским в 1915 г. и представлявшем собой компендиум статей и выступлений профессоров российских высших школ относительно происходящих событий. Под редакцией М.М. Ковалевского выходил в 1916–17 гг. сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию», со статьями А.Веселовского, Н.Кареева, Е.Тарле, искусствоведа А.Сидорова, Э.Гримма, будущего сменовеховца Ю.Ключникова и др. (всего вышло три выпуска из предполагавшихся четырёх). Ведущий историк петербургской Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский весной 1915 г. побывал в составе представительной делегации в Англии⁷⁷ и произнес там речь об истории

⁷⁴ Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P.211.

⁷⁵ В бумагах российского литературоведа Е.В. Аничкова, хранящихся в архиве Сербской Академии наук сохранился проект восстановления в 1917 г. – как своего рода центрального штаба научных и литературных связей двух стран – Русской высшей школы общественных наук в Париже, которая продолжала бы работу известного одноименного заведения, существовавшего в Париже под руководством М.М. Ковалевского до Первой русской революции. См.: Гутнов Д. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906). М., 2001. (Рукопись). С. 292–294 (приложение). Выражаем искреннюю признательность Дм. Гутнову, предоставившему нам для ознакомления материалы этой работы.

⁷⁶ Pancaldi G. Vito Volterra: Cosmopolitan Ideals and Nationality in the Italian Scientific Community between *Belle époque* and the First World War // *Minerva*. 1993. Vol. 31. N 1. P. 21–37.

⁷⁷ Значительную роль в налаживании русско-английских научных связей в первые десятилетия XX в. сыграл историк и правовед П.Г. Виноградов

науки и образования в России, опубликованную затем в специальном издании для ознакомления английской публикой с проблемами внутренней политики важнейшего союзника по Антанте и настроениями российской общественности⁷⁸ (английские историки в мае 1915 г. также посетили Академию наук в Петербурге). В ходе этого визита обсуждалась также реализация идеи создания многотомного труда по истории и культуре России на английском языке, предназначенном для издательства Macmillan & Co. (по инициативе оксфордского профессора Ф.А. Гольдера)⁷⁹. Редактором этого труда должен был стать Лаппо-Данилевский, а авторами – С.Ф. Платонов С.И. Рождественский, М.Д. Приселков, А.А. Шахматов и другие видные русские историки⁸⁰.

Немалую роль в мобилизации коллективных усилий немецких ученых сыграл созданный в октябре 1914 г. «Культурный союз немецких ученых и деятелей искусств» с целью мобилизации поддержки друзей и коллег из нейтральных стран и противостоянию распространению «систематических лживых измышлений противников». Он заседал в здании берлинской Академии наук, возглавлялся ее секретарем, специалистом по анатомии Вальдеером и одним из инициаторов создания «Воззвания 93-х» Г.Зудерманом, упоминаемым выше. Публикации, разъясняющие цели и легитимность немецкого участия в войне появлялись на страницах основанного еще в 1907 г. Ф.Альтхоффом

(профессор в Оксфорде с 1903 г.). Виноградов выступает с лекциями и статьями о России (одна из них была перепечатана в серии «Оксфордских памфлетов»), посещает с 1914 г. ежегодно Россию, является почетным секретарем Комитета помощи русским узникам войны, а с 1916 г. после смерти М.М. Ковалевского становится председателем Исполкома Русско-английского общества. См.: Антощенко А.В. Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г. Виноградова// Археографический ежегодник. 1997. М.: Наука, 1997. С. 294–295.

⁷⁸ The Development of Science and Learning in Russia// Russian Realities and Problems. Ed. By J.D.Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

⁷⁹ Летом 1916 г. Лаппо-Данилевскому вместе с Милюковым и Струве во время поездки в Англию были торжественно вручены дипломы почетных докторов права Кембриджского университета, что стало одним из свидетельств сближения союзников не только в военной или экономической области, но также культурной и научной. Русский сезон в Кембридже// Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2.

⁸⁰ Подробнее см.: Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918)// Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

журнала «Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», предназначенного первоначально для того, чтобы быть связующим органом для научных сообществ Германии, Америки, а также Англии, Франции и Испании. И если в ряде нейтральных государств Европы (особенно в Швеции) немецкая пропаганда приносила определенные плоды, то особенно ощутимой, как уже отмечалось, была ее неудача в Северной Америке. Эти проповеди «мандаринских» ценностей и защиты высокой культуры в противовес наступлению демократической цивилизации, идеи едва ли не само собой разумеющегося первенства немецкой науки в мире никоим образом не могли снискать сколь либо заметной популярности в академических кругах США даже среди тех, кто до войны с симпатией относился к немецкой модели организации науки и ее успехам, не говоря уже про более широкую публику (особенную активность в деле привлечения Америки на сторону Германии проявлял Эд. Мейер⁸¹). Несмотря на наличие значительной немецкоязычной диаспоры и пропагандистские поездки ряда немецких ученых в 1914–1915 гг.⁸² (до гибели «Лузитании») отношения американского общественного мнения к подобным усилиям могут быть резюмированы словами Теодора Рузвельта: «Их ‘культуру’ можно понимать как ‘культуру’ только в патологическом смысле. Немецкая ‘культура’ совершенно аналогична ‘культуре’ холерных эмбрионов»⁸³. Когда в июне 1916 г. в связи с отказом в помощи для основания Фламандского университета в Генте немцы

⁸¹ Среди событий пропагандистской войны осени–зимы 1914 г. выделяется публичный обмен посланиями Эдуарда Мейера с президентом Гарвардского университета Эбботом Лоренсом Лоуэллом. Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf “An die Kulturwelt!”. S. 87.

⁸² Одним из них был брат Эдуарда Мейера Куно Мейер, специалист по кельтской культуре, лекции которого в Америке были рассчитаны именно на ирландскую аудиторию (учитывая ее антианглийские настроения); сходным образом среди целевых групп немецкой пропаганды были еврейские эмигранты из России. Dörris R. Promoting Kaiser and Reich: Imperial German Propaganda in the United States during World War I// Confrontation and Cooperation. Germany and the United States in the Era of World War I, 1900–1924. Ed. by H.-J. Schroeder. Oxford: Berg Publisher Inc., 1993. P. 135–165. Мейер в 1915 г. выпустил книгу «Северная Америка и Германия» (Mayer E. Nordamerika und Deutschland. Berlin: Carl Curtius, 1915).

⁸³ Цит. по: Finkelman P. The War on German Language and Culture, 1917–1925// Confrontation and Cooperation. P. 182.

арестовали двух бельгийский профессор – Пауля Фридерика и известного историка Анри Пиренна, на имя госсекретаря США поступила петиция в защиту коллег, подписанная 93 ведущими преподавателями истории североамериканских университетов (число подписей, конечно, было далеко не случайным)⁸⁴. Совершенно противоположной была реакция научного сообщества Австрии как ближайшего союзника Германии. Австрийские обществоведы активно поддерживали идею более тесной интеграции Австро-Венгрии и Германии в рамках предложенной Фридрихом Науманом геополитической идеи «Срединной Европы» (эти проекты особенно активно дебатировались осенью 1915 г.), при этом роль Австрии или Венгрии чаще осознавалась скорее имперски, чем узкошовинистически, учитывая интересов живущих на Дунае множества народов⁸⁵.

Публикация коллективных воззваний постепенно вновь становится средством проведения политики уже внутри немецких границ, для «внутреннего пользования», способом мобилизации и демонстрации отдельных течений и групп в рамках всего академического сообщества Германии. Первые признаки размежевания «аннексионистов» и «умеренных» наметились уже в июле 1915 г., когда появился меморандум теолога Рейнгольда Зееберга, указывавший необходимость для Германии территориальных приобретений на Востоке; его подписали более 1347 представителей интеллектуальной элиты (из них – 352 профессора, включая Виламовица-Меллендорфа, вождей пангерманизма историков Д.Шефера и Г.Белова). На следующий день, 9 июля, по инициативе Ганса Дельбрюка и либерального журналиста Теодора Вольфа был опубликован контрманифест, под которым удалось собрать лишь 141 подпись (но зато среди поддержавших были Планк, Эйнштейн, Адольф Гарнак и Эрнст Трёлльч). Дебаты о неограниченной подводной войне, отставка канцлера

⁸⁴ Gruber C.S. Mars and Minerva. P. 68–69.

⁸⁵ Эти идеи разделяли даже такие близкие к социализму ученые, как профессор Венского университета и издатель «Архива по истории социализма и рабочего движения» Карл Грюнберг и лидер Венгерской радикальной партии социолог Оскар Яси. См. Ramhardt G. *Geschichtswissenschaft und Patriotismus*. S. 50–51, 92;

Бетман-Гольвега, принятие мирной резолюции большинством рейхстага и требование реформы избирательной системы в Пруссии еще более поляризовало общественное мнение Германии⁸⁶. Под пангерманским по духу обращением тюбингенского историка Иоганнеса Халлера (от 6 октября 1917 г.) против июльской мирной резолюции рейхстага, ставящим под сомнение способность парламентского большинства руководить нацией, оставило свои подписи около 1100 преподавателей, что говорит о сплоченности и представительности консервативно-националистического течения в преподавательском корпусе, численно преобладавшего также после Ноябрьской революции 1918 г. и установления республиканской системы⁸⁷. Профессора Гейдельбергского университета (М.Вебер, Э.Трёлльч, Ф.Майнеке и др.) поддерживавшие канцлера Бетман-Гольвега против аннексионистов до его отставки и организовавшие сначала кампанию против шовинистических устремлений новообразованной Отчественной партии (всего было собрано около 100 подписей преподавателей), а в ноябре 1917 г. Народный союз за свободу и отечество – в целом оставались в меньшинстве⁸⁸.

Первые признаки отказа от наиболее вопиющих проявлений духа «идей 1914 г.» можно заметить уже в обращении Планка к голландскому физики Г.Лоренцу (подписанном также Гарнаком, Нернстом, Вальдейером и Виламовицем), и опубликованном роттердамской газетой «Handelsblad». В нем указывалось на связь «Воззвания 93-х» с душевным подъемом первых военных недель, более обтекаемо ставился вопрос о причинах, приведших к войне, и подчеркивалось, что утверждение единства армии и народа не означает готовности принимать ответственность за каждое действие любого из немцев⁸⁹. Определенную дистанцию от воодушевления августа 1914 г. высказывал в предсмертных выступлениях и Карл

Айрапетов А.Г. Историческая судьба Австро-Венгрии// Вопросы истории. 1999. № 1. С. 141.

⁸⁶ См. подробнее: Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ, 1992. С.32–35.

⁸⁷ Mommsen W.U. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1974. S. 288–291.

⁸⁸ Jansen Ch. Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935. S. 116–117.

Лампрехт⁹⁰. В числе сторонников скорейшего налаживания сотрудничества с учеными стран Антанты был Луйо Brentano, экономист из левого крыла Союза социальной политики, близкий к братьям Альфреду и Максу Веберам, бывший одним из тех, кто подписался под «Воззванием 93-х»⁹¹. Когда в 1919 г. Ромен Роллан опубликовал «Декларацию независимости духа», призывающую к восстановлению прежней системы мирового научного и культурного общения, среди подписавших ее немцев было 117 профессоров – среди них Эйнштейн, Давид Гильберт, Пауль Наторп, Вильгельм Фёрстер и др. (наряду с Германом Гессе, Кете Кольвиц и Германом Манном)⁹². Но в целом это было, безусловно, демократически настроенное **меньшинство** немецкого академического сообщества.

Когда в апреле 1919 г. пацифист Герман Веберг разослал оставшимся в живых 75 соавторам воззвания «К культурному миру», 42 из них так или иначе дистанцировались от поддержки этого документа, но большинство отказалось сделать это безоговорочно и публично, поскольку это было бы воспринято как трусость или своекорыстие⁹³; при этом часто упоминали статьи Версальского договора о вине Германии в развязывании войны, что стало основанием для наложения на нее репараций и отчуждения части

⁸⁹ Brocke B. vom 'Wissenschaft und Militarismus'. S. 690.

⁹⁰ Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!" S. 69.

⁹¹ Brentano также вступил в октябре–декабре 1914 г. в духе манифеста «К культурному миру!» в публичную полемику с французскими коллегами Ивом Гюйо и Даниэлем Белле, однако уже с середины 1915 г. стал одним из противников аннексионистов, сблизился с «Союзом нового отечества», осенью 1918 г. в письме Шарлю Жиду публично признал свою позицию осени 1914 г. ошибкой и был одним из первых немецких ученых, посетивших Англию после окончания войны, в ноябре 1919 г. Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!" S. 70–71, 99.

⁹² 4 декабря 1919 г. в «Берлинер Тагеблатт» практически одновременно с выступлениями Клемансо и Гарнака (см. ниже) появился своеобразный контрмеморандум, подписанный Ф. Майнеке, Э.Трельчем, Э.Ю. Курциусом и др., оспаривающий моральное право высказываться по поводу культурного сотрудничества европейских народов ряда неназванных немцев, подписавших воззвание Роллана, кто во время войны якобы стал «изменником» собственного народа. Holl K. Die "Vereinigung Gleichgesinnter"/ Ein Berliner Kreis pazifistischer Intellektueller im Ersten Weltkrieg// Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 54. H.2. S. 383.

⁹³ Wehberg H. Wider Aufruf der 93! Berlin, 1920. S. 11–13.

территории⁹⁴. Но готовность забыть прежние выпады и обиды была не большей и у победителей. Когда с трибуны французского сената в ноябре 1919 г. Жорж Клемансо указал, как на пример своего рода «интеллектуального реваншизма», что обращение 93-х до сих пор не дезавуировано, ему открытым письмом ответил в немецкой печати Адольф фон Гарнак. Президент Общества Кайзера Вильгельма, хотя и оговорился насчет нынешнего знания о характере вторжения немецких войск в Бельгию, немедленно перевел полемику в плоскость вопроса о «вине» Германии в войне и причинах сокрытия французской стороной ряда важных документов лета 1914 г.⁹⁵ Хотя в войне манифестов и связанной с ней пропагандистской войне участие Германии было, пожалуй, наибольшим, последний ее документ (как и самые первые) появился именно в Англии. Распространенный по инициативе поэта-лауреата Роберта Бриджеса в октябре 1920 г. т.н. «Оксфордский манифест», призывающий интеллектуалов европейских стран забыть военные распри, не требовать признания вины, и вернуться к прежней атмосфере дружбы и сотрудничества, встретил одобрение менее чем у половины из получивших его 120 адресатов⁹⁶. Относительное восстановление прежнего характера интернациональных научных связей наступит только к концу 1920-х гг., после продлившегося несколько лет бойкота немецкой науки державами бывшей Антанты и постепенного вхождения Германии в послевоенную систему международного сотрудничества в исследовательской сфере.

⁹⁴ По этой причине бесплодными остались попытки голландского и шведского физиков Хендрика Лоренца и Сванте Аррениуса обратиться весной–летом 1919 г. к Планку и Эмилю Фишеру с просьбой публично отказаться от наиболее одиозных положений «Воззвания 93-х». Heilbron J.L. *The Dilemmas of Upright Man. Max Planck as Spokesman for German Science*. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 101–102.

⁹⁵ Wehberg H. *Wider Aufruf der 93!* Berlin, 1920. S. 31–33

⁹⁶ Wallace St. *War and the Image of Germany*. British Academics 1914–1918. Edinburgh: John Donald Publishers LTD, 1988. P. 196–197. Письмо Фредерика Кеньона, Президента Британской Академии, объединявшей в отличие от Королевского общества ученых гуманитарного профиля, опубликованное тогда же в «Таймс» было гораздо более сдержанным относительно возобновления прежних связей – именно со ссылкой на до сих пор не взятый назад «пресловутый» Манифест 93-х.

Сопротивление или неучастие?

Было ли описываемое выше настроение, которое можно именовать патриотическим подъемом либо — с неменьшим основанием — шовинистической истерией всеобщим? Очевидно, нет, хотя большинство ученых во всех воюющих странах безусловно выступало на стороне своего правительства, и лишь немногие смогли противопоставить верность принципам научного интернационализма и сотрудничества общераспространенному настроению нетерпимости к врагу и утверждению собственной безусловной правоты. Некоторые отказывались подписывать вышеупомянутые воззвания — как Давид Гильберт, Альберт Эйнштейн (обращение «К культурному миру!»), Макс и Альфред Веберы, экономисты Георг Фридрих Кнапп, Луио Brentano, Леопольд фон Визе, Эйнштейн и три известных пацифиста — историк Людвиг Квидде, педагог Фридрих Вильгельм Фёрстер и правовед Вальтер Шюккинг («Обращение преподавателей высших школ» Виламовица). Когда появилось «Воззвание 93-х», профессор физиологии Берлинского университета (и медицинский советник императрицы) Вильгельм Фридрих Николаи увидел в нем отступление от позиций научной объективности и наихудшее выражение политической ангажированности интеллекта. В составленном им «Обращении к европейцам» указывалось: «Подобное настроение не может быть оправдано никаким национальным порывом. Оно недостойно того, что до сих пор понималось под именем культуры. Если оно захватит всех образованных людей, то это будет несчастьем, притом не только несчастьем для культуры, но — и в этом мы твердо уверены, несчастьем для того, ради чего в конечном счете развернулось все это варварство — а именно для национального существования отдельных государств». Николаи также обращался, хотя и совершенно иным образом, чем мы видели до сих пор, к историческим прообразам и культурным символам: «Нам представляется, что обязанность образованных и здравомыслящих европейцев — по крайней мере попытаться воспрепятствовать тому, чтобы Европа вследствие недостаточности общей ее организации постигла та же трагическая участь, которая некогда постигла Грецию. Неужели Европа должна постепенно истощить себя братоубийственной войной и

погибнуть? Ведь ныне свирепствующая борьба навряд ли сделает кого-нибудь победителем, оставив, вероятно, одних лишь побежденных»⁹⁷. Однако призыв Гёте быть «хорошими европейцами» встретил понимание совсем у немногих соотечественников – это обращение поддержали только Альберт Эйнштейн, доктор Отто Бюк и директор Берлинской Обсерватории 82-летний Вильгельм Фёрстер, ранее подписавший «Воззвание 93-х». Очевидно, не случайно Эйнштейн напишет в середине 1915 г. Ромену Роллану в Швейцарию: «За последние восемь месяцев многие ученые Европы ведут себя так, будто им ампутировали мозг».⁹⁸ Николаи будет отправлен врачом на фронт, подвергнут за активную пацифистскую деятельность аресту, а после бегства в Данию и возвращения в Берлинский университет после окончания войны уже в 1920 г. отстранен сенатом и ректором Эдуардом Мейером, поддержавшим тогда же монархический путч Каппа, от занятий и вынужден эмигрировать в Латинскую Америку⁹⁹. Эйнштейн, Николаи и другие радикальные пацифисты приняли участие в создании «Союза нового отечества», а после его запрета в феврале 1916 г. – в работе «Объединение единомышленников», поддерживавших связи с аналогичными объединениями в Англии, Голландии и Р.Ролланом¹⁰⁰.

Английский математик и философ Бертран Рассел, член Фабианского общества, близкий к гильдейскому социализму, с самого начала войны публично выступал в защиту людей, отказывающихся служить по велению совести, и участвовал в радикальных пацифистских органах печати. Решением совета Тринити-колледжа Рассел в июле 1916 г. был вообще отстранен от преподавания, но продолжал выступать с

⁹⁷ Николаи Г.Ф. Биология войны. Перевод с фр. СПб.: Гиперион, 1996. С. 17, 18.

⁹⁸ Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P. 204.

⁹⁹ Winter I. Georg Friedrich Nicolai, ein Kämpfer gegen Krieg// Forschen und Wirken. Festschrift zur 150-Jahr-Feier der Humboldt-Universität zu Berlin. Bd. I. Berlin, 1960. S. 461–466.

¹⁰⁰ Gülzow E. Bund Neues Vaterland // Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der geschichte des burgerlichen Parteien und anderer bürgerliche Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1. Berlin, 1968. S. 180–181; в «Объединении единомышленников» принимали участие также биолог-виталист Ханс Дриш, специалист по радиотехнике Георг Граф фон Арко,

публичными лекциями на общественно-политические темы и участвовать в работе «Союза демократического контроля». После публикации в январе 1918 г. статьи о возможности использования в случае необходимости в послевоенной Европе американских солдат в качестве штрейкбрехеров вместо забастовавших рабочих он был арестован за оскорбление армии союзников. Во время полугодичного пребывания в крепости Рассел смог закончить свою книгу «Введение в философию математики», но не отрекся от своих взглядов и в дальнейшем оставался в качестве одного из самых видных деятелей мировой науки политически независимой и весьма влиятельной фигурой¹⁰¹. В своих мемуарах он отмечал, что именно Первая мировая война всецело переменяла его мировоззрение, превратив кабинетного ученого в автора политически актуальных работ, и заставила пересмотреть все видение человеческой природы: «Я знал, что мое дело протестовать, сколь бы бесполезным мой протест ни был. Я был вовлечен в это всем своим существом. Поскольку я любил истину, пропаганда всех воюющих стран вызывала у меня отвращение. Поскольку я был приверженцем цивилизации, возвращение к варварству меня ужаснуло... Едва ли я мог предполагать, сколько хорошего произойдет от противостояния войне, но я чувствовал, что во имя чести человеческой природы, те кого не сбilo с ног, должны показывать, что стоят они твердо»¹⁰².

Далеко не для всех молодых интеллектуалов и ученых разразившаяся война показалась, по словам Макса Вебера «прекрасной и удивительной». Прежде всего для венгерского философа из Гейдельберга Георга Лукача, начавшего писать в начале осени 1914 г. статью «Немецкие интеллектуалы и война», которая осталась неоконченной. В письме Марианне Вебер, направленном в первые месяцы войны, Георг Зиммель отметит: «Уникальным для настоящего момента является то, что потребности дня и нужды Идеи окончательно и на все времена стали

профессор философии в Мюнхене Эрнст фон Астер и др. См.: Holl K. Die "Vereinigung Gleichgesinnter". S. 366–367.

¹⁰¹ Ryan A. Bertrand Russel. A political Life. N.Y., 1988. P. 58–60.

¹⁰² The Autobiography of Bertrand Russel. 1914–1944. Vol.II. London: George Allen and Unwin LTD, 1969. p. 18.

единым целым. Мы можем сказать об этом лишь экспериментально, как о предмете интуиции, еще лучше — как о чем-то, вытекающем из практического опыта. Если Лукач этого не чувствует, этого ему нельзя показать. Вот почему он все время говорит о милитаризме. Но для нас это в гораздо большей степени вопрос освобождения от милитаризма”¹⁰³. В разговоре с Марианной Вебер осенью 1914 г. в ответ на рассказы о солдатских подвигах на фронте, сам Лукач воскликнул: “Чем они героичной, тем хуже!” и заметил, что дело заключается не в победе Романовых или Гогенцоллернов, но в том, “кто же спасет нас от западной цивилизации”¹⁰⁴. Перспективу окончательной победы Германии он тоже считал “неким кошмаром”. Сходного отношения к войне придерживался друг и тогдашний единомышленник Лукача Эрнст Блох, увлечение которого экспрессионизмом сказалось на стиле его первого большого философского труда «Дух утопии» (первое издание — 1918 г.)¹⁰⁵. Блох написал его в швейцарской эмиграции, где сотрудничал с дадаистами и пацифистскими изданиями вроде ‘Freie Zeitung’ и др.¹⁰⁶ Там же Блох познакомился и с Вальтером Бенямином, который завершал в Берне свою диссертацию о понятии художественной критики у Гёте и романтиков. Неприятие войны Бенямином привело к его разрыву с прежним философским наставником Густавом Виникеном¹⁰⁷. Позиция по тому или иному вопросу касательно войны могла стоять начинающему преподавателю карьеры. Так, когда молодой гейдельбергский историк Файт Валентин раскритиковал в печати пангерманский труд Эрнста фон Ревентлова (в будущем — видного нацистского идеолога), против него была

¹⁰³ Watier P. The War Writings of Georg Simmel// Theory, Culture and Society. Vol. 8. 1987. N 3. P. 231.

¹⁰⁴ Lukacs G. Vorwort (1962)// Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der grossen Epik. Munchen, 1963. S. 5.

¹⁰⁵ Karady E. Ernst Bloch and Georg Lukacs in Max Weber’s Heidelberg// Max Weber and His Contemporaries. Ed. by W.J.Mommsen and J.Osterhammel. London: Unwin Human, 1988.

¹⁰⁶ Его публицистические выступления тех лет собраны в: Bloch E. Kampf, nicht Krieg. 1917–1919. Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1985.

¹⁰⁷ Fuld W. Walter Benjamin. Zwischen den Stühlen. Eine Biographie. Wien, Hansel Verlag, 1979. S. 60, 97.

развязаны публичная кампания, вынудившая его временно оставить университет и работать телеграфистом¹⁰⁸.

В весьма сложном положении находились подданные каких-либо воюющих государств, оказавшиеся на территории враждебной страны. Так было с известным русским историком Н.И. Кареевым, отдохавшим летом 1914 г. в Карлсбаде. В начале сентября вместе со многими соотечественниками Кареев оказался в русском посольстве в Берлине, и ему с остальными очень помогло вмешательство профессора Берлинского университета Теодора Шимана. Историк России периода царствования Николая I, близкий к кайзеру и консервативным кругам, Шиман традиционно пользовался репутацией русофоба, но обратившийся к нему из чувства солидарности ученых как «братства во Христе» Кареев нашел в нем сочувствие и неизменную поддержку. В Гейдельберге в период войны писал диссертацию по экономике выходец из России Евгений Левине, будущий лидер Мюнхенской советской республики. С помощью философа Германа Когена, с успехом посетившего Россию еще весной 1914 г.¹⁰⁹, был освобожден из заключения и нашел себе работу оставшийся в Германии его российский ученик Матвей Исаевич Каган, в 1920-е гг. один из важнейших собеседников невеликого круга М.М. Бахтина¹¹⁰ (в это были вовлечены также Эрнст Кассирер и Пауль Наторп). В Геттингене ассистентом Гильберта (одно время и на его личные средства из-за сложностей с официальным приемом на работу русского гражданина) работал Всеволод Константинович Фридерикс, одним из первых познакомивший уже после возвращения в Россию отечественных физиков с теорией относительности Эйнштейна¹¹¹. Уже начиная с 1915 г. в США отстранялись от должности преподаватели немецкой национальности, заподозренные в прогерманской ориентации. В Англии кампания против

¹⁰⁸ Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. С. 68.

¹⁰⁹ В апреле–мае 1914 г. Коген с большим успехом читал лекции об иудаизме. См.: Ермичев А.А. Приезд Германа Когена в Россию// О философии в России. СПб., 1998.

¹¹⁰ Пул Б. Роль М.И. Кагана в становлении философии М.М. Бахтина (от Германа Когена к Максусу Шелеру)// Бахтинский сборник – III. М.: Лабиринт, 1997. С. 175–176.

немцев-профессоров или ученых в прессе подчас принимала шовинистические или антиинтеллектуалистские обертоны, но в целом не привела ни к каким серьезным последствиям. В России официальная кампания по борьбе с «немецким засильем» коснулась не только правового или экономического статуса немцев, но вылилась в итоге в немецкие погромы в Москве в мае 1915 г.¹¹²

Начало военных действий сразу же поставило вопрос о пребывании подданных враждебных держав в академиях и научных коллегиях тех или иных стран. Уже 31 октября 1914 г. по высочайше утвержденному заключению Совета министров из всех общественных организаций должны были исключаться граждане Германии и Австро-Венгрии, что и было проведено в университетах уже в ноябре 1914 г.¹¹³ В начале марта 1915 г. на страницах консервативно-националистической газеты «Новое время» был поставлен вопрос не только о иностранных членах Академии, подпадающих под действие этого постановления, но и о степени патриотизма российских ученых немецкой национальности¹¹⁴. В частности, в действиях в пользу Германии (передаче рукописей Кеплера, организации съемок Черноморского побережья в 1910 г. берлинскими метеорологами на транспортном судне «Прут») на страницах газеты обвинялся директор Пулковской обсерватории О.Баклунд (швед по происхождению)¹¹⁵. Схожие упреки в Англии раздавались по поводу

¹¹¹ Сонин А.С., Френкель В.Я. Всеволод Константинович Фридерикс, 1885–1944. М.: Наука, 1995. С. 27–28.

¹¹² Кирьянов Ю.И. Майские события 1915 г. в Москве// Вопросы истории. 1994. № 12; см. также воспоминания правительственного чиновника, написанные в 1918 г.: Харламов Н.П. Избиение в первопрестольной. Родина. 1993. № 7–8. С. 127–132

¹¹³ Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны»// Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 61–62.

¹¹⁴ Еще ранее в приверженности «немецкому духу» авторы «Нового времени» обвиняли фактически всю Академию наук, в особенности тех из ее членов, которые носили «подозрительные» фамилии, вроде К.Г. Залемана и др. (в связи с подрядами на строительство нового здания Библиотеки Академии): Академия наук и немцы// Новое время. 1 ноября 1914 г. № 13880. С. 14.

¹¹⁵ С.К. Какому отечеству служат немцы – члены Российской императорской Академии наук?// Новое время. 2 марта 1915 г. № 1399. С. 4. Члены Отделения физико-математических наук Академии выразили на заседании от 4 марта решительный протест против искажения истины и горячее сочувствие и глубокое уважение к О.А. Баклунду. См. публикацию в газете «Речь» «О.А. Баклунд и «Новое время»» (20 августа 1916 г. № 228. С.2.) в связи со смертью ученого.

секретаря Королевского общества физика Артура Шустера, родившегося в Германии¹¹⁶. В феврале 1915 г. авторы «Воззвания 93-х» были исключены из Академии наук и Академии надписей и изящной словесности Франции (всего 9 человек), а 4 марта 1915 г. – также и из Петербургской академии (за этим стояла инициатива министра просвещения П.Н. Игнатъева и, судя по всему, такого внимательного читателя «Нового времени», как Николай II)¹¹⁷. В связи с вопросом об исключении французских членов-корреспондентов¹¹⁸ и выдающегося английского химика В.Рамзая из Берлинской Академии наук на ее заседании 22 июля 1915 г. по инициативе Макса Планка и вопреки мнению Э.Мейера, Виламовица и др. принятие всех мер по отношению к академиям наук стран-противниц было после напряженных дебатов решено отложить до конца войны¹¹⁹; и исключенными в Германии оказались вышеупомянутые В.Рамзай (из Баварской Академии в марте 1915 г.) и А.Шустер (из Геттингенской Академии в 1917 г.). И только 6 (19) февраля 1916 г. под давлением правительства на заседании Петербургской Академии были исключены все австрийские и немецкие подданные, кроме лиц славянской национальностей (всего 51 ученый)¹²⁰; точно также поступило со своими членами из враждебных государств и Британское химическое общество. К началу 1918 г. предполагалось исключить также 13 человек и из

¹¹⁶ Badash L. British and American Views of the German Menace in World War I// Notes and Records of Royal Society, London. 1979. N 1/2. P. 97–98.

¹¹⁷ Соболев В.С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб.: Искусство–СПб, 1993. С. 77. Николай также выражал после очередного выступления «Нового времени» свое неудовольствие Игнатъеву в связи с тем, что Академия продолжает печатать ряд материалов на немецком языке.

¹¹⁸ В начале 1915 г. они сами объявили о сложении с себя немецких академических званий.

¹¹⁹ Grau C. Die Berliner Akademie der Wissenschaft in der Zeit der Imperialismus. Teil 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1975. S. 182–186.

¹²⁰ Виноградов Ю.А. Германские ученые – члены Императорской Академии наук и Первая мировая война// Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. III. С. 45–51. На заседании было оглашена «Записка академика А.А. Маркова», к мнению которого присоединились В.А. Стеклов и А.М. Ляпунов, резко критиковавшая поспешность и непродуманность принятия подобного рода решений. См. подробнее: Большакова К.Г. Малоизвестный эпизод противостояния Академии наук правительству (1914–1916)// Наука и техника: Вопросы истории и теории. (Тезисы) СПб, 2000. С. 14–16.

Британского королевского общества, однако во имя согласования подобных действий с союзниками эта акция должна была обсуждаться на первом совещании членов академий стран Антанты в Лондоне в начале октября 1918 г., однако к тому времени неактуальность подобной меры была самоочевидна¹²¹. Изоляция науки бывших противников решалась теперь путем бойкота их академической жизни и создания новых международных организаций.

Заключение

Летом 1915 г. шведская газета «Свенска Дагбладет» распространила среди ученых, писателей и деятелей искусства нейтральных или воюющих стран анкету с вопросами о влиянии войны на состоянии межнациональных связей в науке и культуре, и, главное, о возможности возобновления совместной работы после окончания военных действий. Результаты были малоутешительными: большинство ответивших (а среди них были Эрнст Резерфорд, Анри Бергсон, Рудольф Ойкен, Ганс Дельбрюк, Адольф фон Гарнак и др.) были весьма пессимистически настроены в отношении перспектив оптимального разрешения последней проблемы¹²². Довоенное превосходство Германии во многих отраслях науки и техники с самого начала войны было оспорено учеными стран Антанты не только на уровне деклараций и манифестов, о которых речь шла выше. Для представлений немецких ученых показательным высказывание Э.Трельча из первого военного выпуска «Internationale Monatsschrift» от начала октября 1914 г., что в условиях разрушения всех интернациональных связей дух европейской научной культуры вполне спокойно найдет себе прибежище именно в Германии¹²³. Однако очень скоро обнаружилась опасность подобного рода автаркистских упований. Примечательно, что несмотря на общую идеологическую вовлеченность в «войну духа», призывы к принципиальному прекращению публикаций в журналах противников и

¹²¹ Badash L. British and American Views of the German Menace in World War I. P. 111–112.

¹²² Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 82–83.

¹²³ Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 85. n. 143.

после войны¹²⁴, равно как и публичный отказ 30 германских ученых от почетных званий «вражеских» университетов в сентябре 1914 г., не встретили одобрения в руководящих кругах немецкой профессуры (например, у Виламовица-Меллендорфа). Для ряда национальных академических сообществ союзников ситуация войны оказалась шансом для обретения полноценного статуса и перехвата академической гегемонии у немцев¹²⁵ (еще одно скрытое обоснование последующего бойкота немецкой науки). Характерным образом подобные претензии выражал в 1917 г. издатель итальянского журнала *Scientia* в письме коллегам из *Nature*: «Бесчисленные *Archives, Jahrbücher, Zeitschriften, Zentralblättter* постепенно монополизировали всё мировое научное производство в целом. Таким образом, внешне они строились как интернациональные научные органы, но в действительности были немецкими инструментами контроля и монополии в науке»¹²⁶. Укрепление научных связей между странами Антанты периода войны: координация исследований, обмен важнейшими результатами и изобретениями, командировки ведущих специалистов¹²⁷, – было помимо пропагандистко-идеологических факторов обусловлено практическими нуждами восполнения потребностей военной отрасли в оптических приборах,

¹²⁴ Так, Макс Планк отказался в 1915 г. подписывать соответствующий манифест 16 физиков, составленный Вильгельмом Вином, (среди подписавших были также Арнольд Зоммерфельд и будущий националистический критик Эйнштейна Йоханнес Штарк), опасаясь возможных последствий в «немыслимом случае» возможного поражения Германии. Heilbron J.L. *The Dilemmas of Upridht Man*. P. 72–73.

¹²⁵ Обвинение в подверженности немецкому влиянию адресовалось оппонентам и в идеологических дебатах внутри стран Антанты – так, Н.И. Кареев усматривал его в позиции философов «веховской группы» от увлечения марксизмом в 1890-е гг. до неославянофильства германской выделки военного периода. Кареев Н.И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны. Пг.: Прометей, 1915. С. 81, 86.

¹²⁶ Schroeder-Gudenus B. *Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit*. S. 87.

¹²⁷ В отношении России этот вопрос затронут в следующих публикациях: Козлов Б.И. Об оказании Россией продовольственной и иной помощи странам Антанты в 1915–1917 гг. (По неопубликованным документам)// Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 3. С. 105 (о поездке делегации во главе в А.Колчаком в США); Н.Ю. Балوشина, И.Ф. Цветков С.А. Изенбек и разработка корабельных приборов управления стрельбой// Клио. № 3(12). 2000. С. 144 (о командировке С.А. Изенбека в Англию в 1916–17 гг.)

химических веществах¹²⁸, средствах для воздушной и подводной войны, лекарствах и т.д.¹²⁹

Наряду с международной солидарностью пролетариата в ходе Первой мировой войны оказался подорванным и интернациональный дух научного сотрудничества, а ряд созданных в начале века международных организаций этого профиля постигла судьба Второго Интернационала. В первую очередь это затронуло Международную ассоциацию академий. Хотя Берлинская Академия и передала свои ведущие (до 1918 г.) полномочия Голландской и заручилась в этом поддержкой Петербургской Академии и Лондонского Королевского общества, Французская Академия категорически отказывалась поддерживать даже косвенные отношения с научными учреждениями противника¹³⁰. Не состоялись намеченные на 1914 г. конгресс ориенталистов в Оксфорде, по антропологии и доисторической археологии в Мадриде (1915), исторический конгресс в Петербурге (1918); из намечаемых до войны крупных научных форумов был в ограниченном формате проведен лишь конгресс американистов в Вашингтоне с минимальным представительством от держав центрального блока¹³¹. Поэтому естественным шагом было создание нового руководящего органа в области международных научных связей по инициативе ученых стран Антанты, поскольку картель пяти немецких академий вместе с Австрийской располагал во время войны реальными возможностями (при привлечении благожелательных нейтральных академий, вроде шведской или нидерландской) заблокировать работу

¹²⁸ В отношении России эта работа наиболее подробно рассмотрена у А.Б. Кожевникова в готовящейся к печати работе, любезно предоставленной нам в рукописи: Kojevnikov A. The Great War, the Russian Civil War, and the Invitation of Big Science. P. 2–10

¹²⁹ Наиболее подробно проблемы технического сотрудничества стран Антанты периода Первой мировой войны рассмотрены в: Hartcup G. The War of Inventions. Scientific Development 1914–18. London : Brassey's Defence Publisher, 1988. P. 38–43.

¹³⁰ Grau C. Die Berliner Akademie der Wissenschaft in der Zeit der Imperialismus. Teil 1. S. 201; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 2. Оп. 1-1925. Д.32. Л.15–17.

¹³¹ См.: Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г.// Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1998. Вып. 4. С. 3–8.

Международной ассоциации академий или участие в ней держав союзников¹³². После предварительного заседания представителей союзников в Лондоне в октябре 1918 г. на конференции в Брюсселе в июле 1919 г. был создан Международный исследовательский совет (а двумя годами позже – Международный союз академий для гуманитарных наук); тесно связанные с Лигой наций. Они состояли из специализированных интернациональных советов по той или иной дисциплине¹³³.

Бойкот немецкой науки в первой половине 1920-х гг. стал важным фактором утраты Германией и немецким языком как средством научной коммуникации тех приоритетных позиций, которые были достигнуты на рубеже XIX–XX вв.¹³⁴ Процесс возвращения немецкой науки в мировое научное сообщество после Локарнской конференции и приема Германии в Лигу Наций затянулся на 5 лет – с 1926 по 1931 год, когда МНС получил новый Устав и был переименован в Международный совет научных союзов¹³⁵, а окончательно немецкие, равно как и советские академические учреждения вошли в него уже только после окончания Второй мировой войны.

¹³² Особую роль при создании Международного исследовательского совета играл астрофизик Джордж Эллери Гейл, секретарь по международным делам Национальной академии наук США, вначале настроенный на сохранение международных исследовательских организаций даже в условиях войны (притом что сам президент США Вильсон был противником создания сепаратного научного объединения без участия немцев!) Kevles D.J. “Into Hostile Political Camps”: The Reorganisation of International Science in World War I// *ISIS*. Vol. 62. Part. 1. Spring 1971. P. 53–54.

¹³³ Schroeder-Gudehus B. *Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit*. Geneve, 1966. S. 89–105. О процессах в немецкой науке 1920-х гг. и распространенном представлении о науке как эрзаце утраченной государственной мощи: Forman P. *Scientific Internationalism and the Weimar Physicists: the Ideology and Its Manipulation in Germany after World War I*// *ISIS*. Vol. 64. 1973.

¹³⁴ Особенно последовательной была начиная со времен войны позиция французской (постоянного секретаря Французской Академии наук Эмиля Пикара) и бельгийской сторон. Alter P. *The Royal Society and the International Association of Academies, 1897–1919*. P. 255.

¹³⁵ Cock A. *Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926*// *Notes and Records of Royal Society*, London. 1985. N 4; Schroeder-Gudehus B. *Internationale wissenschaftsbeziehungen und auswärtige Kulturpolitik 1919–1933. Vom Boykott und Gegenboykott zu ihrer Wiederaufnahme*// *Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft*. S. 858–885.

Значение войны 1914–1918 гг. для научной жизни не сводилось исключительно к цифрам разрушений и потерь, ущербу от разрыва научных связей. Парадоксальным образом можно говорить об определенном прогрессе в науке, сближении ее с государственной и общественной жизнью – не только в смысле военных, оборонных заказов или внутри- и внешнеполитической пропаганды. Крушение старой Европы означало также и своеобразную демократизацию науки, вынужденное преодоление ее элитарного характера как привилегированного занятия узкого круга ревнителей «чистого знания», что прокладывало путь к современной системе включенности социального института науки в развитие технологической цивилизации (см. статьи В.И. Вернадского «Война и прогресс науки», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», 1915–1917 гг.)¹³⁶. Как отметил американский историк французской науки Г.Поль: «Не использование науки и технологии в военных целях было новым в Первой мировой войне, но характер и число произошедших изменений, по-видимому достаточных, чтобы превратить предыдущие отношения в своего рода доисторическую эпоху. Беспорядочность сменилась институционализацией, случайность консультаций – регулярностью и постоянными запросами, а зависимость от прорывных открытий – безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны не был чисто техническим»¹³⁷. В частности, одним из важных аспектов этой эволюции было становление системы специализированных научно-исследовательских институтов (по образцу Общества кайзера Вильгельма в Германии) помимо университетов, политехнических школ и аристократических ученых коллегий –

¹³⁶ Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 199–207, 241–251. Относительно последующего советского опыта см.: Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940// Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

¹³⁷ Paul H. From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939. Berkley: California University Press, 1985. P.322.

академий и научных обществ¹³⁸. Можно сказать, что в годы Первой мировой войны был в форсированном виде повторен тот переход от «республики ученых» к национально-государственному принципу организации науки, который однажды уже случился в истории науки в XVII в. Наконец, изменился сам облик и статус науки, ее место относительно общества и государства¹³⁹. Результатом войны стало активное и прямое участие государства в делах науки, создание специальных правительственных органов по координации и поддержке научных исследований¹⁴⁰. Эти новые организационные формы вышли за пределы чрезвычайных задач военного времени и продолжали действовать, развиваться и совершенствоваться и в условиях последующей мирной работы¹⁴¹.

В целом трагический и сложный опыт Первой мировой войны подтверждает, хотя зачастую и парадоксальным образом, тезис об усиливающейся связи науки с общественно-историческим процессом по мере углубления процесса модернизации, становления современного типа общества¹⁴². Занятия академическими исследованиями еще не

¹³⁸ Бастрарева М.С. Академия наук и создание исследовательских институтов (Две записки В.И. Вернадского)// Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. См. в этой связи подробнее о создании и деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России: Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб.: Наука, 1999. С. 13–31;

¹³⁹ В отношении России эту тему специально рассматривает А.Б. Кожевников в указанной выше работе.

¹⁴⁰ Hartcup G. The War of Inventions. P.21–37. (Гл. 2: Мобилизация и организация науки)

¹⁴¹ В США в 1917 г. по инициативе Дж.Э. Гейла был создан Американский национальный исследовательский совет, в Великобритании – Департамент научных и индустриальных исследований, во Франции – Государственный секретариат (управление) изобретений и Секция приложения наук к промышленности в рамках Академии наук, вышеупомянутая КЕПС и Комиссия по изучению племенного состава – в составе Российской Академии наук (последняя – с 1917 г.) и т.д. См.: Kevles D. J. George Ellery Hale, The First World War, and the Advancement of Science in America// ISIS. Vol. 59. P. 4. Winter 1968. P. 431–436; Любина Г.И. Формирование основ научной политики во Франции (с начала XX века до Второй мировой войны). М.: Наука, 1980 С. 45–46 и др.

¹⁴² Культурные последствия войны, учитывая сравнительные и ретроспективные аспекты проблемы, рассмотрены в монографиях: Wohl R. The Generations of 1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1979; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. Boston: Houghton Mifflin Company, 1989.

обеспечивают сами по себе нейтральности, бескорыстия и безопасности получаемых результатов, поскольку эта связь науки и общества никогда не осуществляется автоматически, сама собою, но затрагивает любого ученого не только как гражданина или агента политики – но также и в его преимущественной роли носителя универсального знания о закономерностях объективного мира. Во всех этих случаях ключевой остается тема политической, исторической и интеллектуальной ответственности ученого.